

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2025), 181–196
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2025), 181–196
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-3-89-181-196

НОВЫЕ ТЕМЫ В ТЕСИНСКОМ НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

О.С. Советова¹, О.О. Шишкина²

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ E-mail: olgasovetova@yandex.ru ² E-mail: olgashishkina145@gmail.com

¹ ORCID: 0000-0002-0733-8245 ¹ ORCID: 0000-0002-4956-1293

На основе собственных полевых материалов и опубликованных данных авторы анализируют новые образы и темы, выявленные ими в наскальном искусстве Минусинской котловины, соотносимые с тесинской эпохой. Среди них сцены с изображениями змей, антропоморфными фигурами, сидящими в позе «по-восточному», а также с прическами, головными уборами, небольшими рожками на головах. Также выявлены сцены с изображениями профильных птиц (дрофа / дудак) на таких памятниках наскального искусства, как Тепсей, Сульфатская, Абакано-Перевоз, Сосниха, Сулек и др. Этот персонаж не встречался в другие эпохи на памятниках наскального искусства Минусинской котловины, возможно, его можно считать маркером этой эпохи. Высказано предположение, что антропоморфный персонаж, держащий в руках змею, запечатленный на одной из курганных плит Тепсейского могильника, может быть связан с подземным культом. Среди элементов оформления голов автоморфных фигур тесинского пласта выявлена новая серия изображений с прическами в форме «шара», а также головных уборов типа «котелков» или шляп с небольшими полями, нередко с вертикальным поставленным пером, и/или косицей. Разнообразие головных уборов отчасти может объясняться необходимостью акцентирования того или иного персонажа, в частности, вожака на охоте или действующего лица, участника каких-то ритуальных действий, возможно, тризны. Сделано предположение, что персонажи с «рожками» на головах могут быть соотнесены с мифическим рогатым персонажем хунну (по аналогии с известным по изображениям на ручках Абаканского дворца), который, по мнению Ю.Н. Есина, мог быть покровителем или предком хунну.

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, тесинская эпоха, семантика

Данные об авторах. Ольга Сергеевна Советова – доктор исторических наук, доцент, директор института истории и международных отношений, заведующая кафедрой археологии КемГУ; Ольга Олеговна Шишкина – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КемГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)», <https://rsrf.ru/project/23-78-01099/>.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на довольно продолжительное время обсуждения проблем, связанных с тесинской эпохой в целом и в частности с характеристикой особенностей изобразительных традиций, присущих наскальному искусству Минусинской котловины в это время, интерес к теме не только не угасает, но благодаря постоянно насыщенному источниковой базы становится только оживленнее.

Одними из важных и очень сложных вопросов остаются вычленение и обоснование принадлежности рисунков к тесинской эпохе, определение истоков и дальнейшей судьбы оригинальных изобразительных приемов, появившихся в это время, объяснение причин поистине «творческого взрыва», характерного для эпохи, и др. К настоящему времени исследователями уже определено немало стилистических признаков, по которым выявлено множество рисунков, в научный оборот введены сотни изображений с памятников Хакасии и юга Красноярского края¹, охарактеризованы новые сюжеты, высказано немало оригинальных идей (работы Д.Г. Савинова, Н.В. Леонтьева, Н.А. Боковенко, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухаревой, С.В. Панковой и др.). Стали общепринятыми оценки таких рисунков, как «уже не тагарские, но еще не таштыкские», Я.А. Шеру принадлежит понятие «вырождение скифо-сибирского стиля», благодаря Д.Г. Савинову открыт новый «идеограмматический стиль» и т.д. Стало понятно, что многие изображения, ранее относившиеся к тагарской культуре, были выполнены в самом конце ее развития, и, возможно, «старое», традиционное, какое-то время существовало с новыми веяниями. Все это позволяет по-новому увидеть и оценить многочисленные изображения, покрывающие скалы и плиты тагарских курганов в эту сложную эпоху больших перемен, когда Минусинская котловина превратилась «в провинцию хунну».

Тесинский период был удивительно плодотворен в плане изобразительной деятельности. Создается впечатление, что после раннего этапа изобразительного творчества, когда многофигурными композициями, выполненными в минусинском и ангарском стилях, заполняли огромные скальные массивы (Шалаболинская писаница, Суханиха, Тепсей, Оглакты и др.), в тесинское время произошел очередной «творческий взрыв» – на скалах, а теперь и на отдельных плитах тагарских курганов появляется огромное количество многофигурных композиций с новой тематикой. Достаточно назвать такие памятники, как Куня, Боярские писаницы, Хызыл-Хая, Усть-Туба, Оглакты, Абакано-Перевоз, Полосатая, Сундуки, и др., чтобы понять размах и силу творческой энергии. Оставаясь популярными, олени, кони, «тагарские человечки» и т.д. – эти образы уже достаточно видоизменились, появились новые, необычные, «чужие»: «единороги» (Куня)², непривычные сюжеты с конями, уже не с прежними редкими «заморскими», а с простыми, невыразительными, низкорослыми лошадками с длинными хвостами, нередко представленные в целых кортежах всадников, охотящихся на животных (Потрошоловская, Льнищенская и др. писаницы); на головах у всадников появились необычные прически (в том числе косы), головные уборы, а также широкие штаны, заправленные в обувь, подпоясанные кафтаны или шубы, гориты за спинами

¹ Савинов 1995; Леонтьев, Боковенко 1985; Миклашевич 2004, 2012; Русакова 2016.

² Миклашевич 2004, рис. 1.

(Усть-Туба, Тепсей, Потрошиловская, Льнищенская)³; в батальных сценах и сценах охоты отображались новые типы оружия и защитных средств (стрелы трехлопастные, со свистульками, щиты разных форм) (Суханиха, Оглахты, Усть-Туба, Тепсей, Шалаболино и др.) и т.д. Появились и редкие, можно сказать, уникальные сюжеты: например, на Улазах это сцена с экипажем, напоминающая композицию на горе Ханын хад (Монголия), которую Э.А. Новгородова соотносила с хунну⁴, или сцена «соколиной охоты» с Кавказской писаницы⁵. Следует заметить, что в последнее время также нами зафиксированы новые варианты уже известных сцен, например, с *лабиринтами*⁶. Как правило, рядом с лабиринтами / «путаницами» изображался «культурный герой», преодолевающий этот лабиринт (как выпавшее на его долю испытание). На одном из Тепсейских курганных камней выявлена сцена, в которой «герой», представленный в традиционном как для тагарской, так отчасти и для тесинской эпохи, головном уборе (с «султанчиком»), показан перевернутым, видимо, потерпевшим фиаско в таком испытании.

Отрадно, что многие из рисунков памятников наскального искусства так или иначе введены в научный оборот. Но исследования последних лет показали, что этим не ограничивается круг изображений тесинской эпохи. Во всяком случае можно выделить еще несколько новых образов и сюжетов, обнаруженных в последние годы как на скалах, так и на плитах тагарских курганов.

НОВЫЕ ТЕМЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ТЕСИНСКОГО ВРЕМЕНИ

К новым сюжетам и образам, на которые ранее исследователи особого внимания не обращали, следует отнести изображения самки животного с детенышем под животом, змей, птиц (особенно дроф), антропоморфных персонажей, в том числе сидящих «по-восточному», а также рогатых и в необычной одежде.

Наши работы в Тепсейском археологическом микрорайоне дали возможность по-новому «увидеть» и интерпретировать, казалось бы, уже известные сюжеты, подметить элементы, которые были не видны простым глазом, выявить некоторые закономерности. Ставясь максимально использовать имеющийся к настоящему времени исследовательский арсенал, применены разнообразные приемы контактного копирования на разные сорта бумаги, эстампирование, а также бесконтактные методы: фотосъемка, 3D-моделирование; а затем лабораторная обработка, включающая тщательный анализ палимпсестов.

Охарактеризуем некоторые новые образы, которые удалось выявить в результате проведенных исследований.

Персонаж в позе «по-восточному» и змея. На одной из небольших стел Тепсейского могильника (высотой не более 50 см), находящейся в конструкции четырехкаменного тагарского кургана, не подвергавшегося раскопкам, открыты изображения, которые отнесены нами к тесинской эпохе. Выбитые рисунки выявлены на двух противоположных гранях плиты. На западной выбито несколько уверенно определяющихся фигур, а также неясные изображения; часть поверх-

³ Советова и др. 2021, рис. 92.

⁴ Новгородова 1984, 111.

⁵ Миклашевич, Солдатников 2013, рис. 12.

⁶ Савинов 1995, 6–10.

ности камня отшелушилась, испортив таким образом имевшиеся здесь фигуры, а непонятная плотная выбивка в правой части грани, скорее всего, появившаяся позднее, перекрыла другие изображения, лишив возможности распознавания имевшихся здесь рисунков. Тем не менее можно предположить, что здесь изображено несколько змей, учитывая, что одна находится в руке у сидящего персонажа, а другая / другие (?) в верхней части плиты, где одна показана извивающейся, с раскрытым пастью. Скорее всего, здесь были и другие изображения змей, сохранившиеся лишь фрагментарно. Змеи нередко окаймляют наскальные сцены⁷, а если действительно под ней также были размещены змеи, композиция вызывает некоторые ассоциации с популярными в хуннском искусстве бляшками со змеями, известными по материалам Ордосских бронз⁸, Косогольского клада⁹ и др. В центре сцены находится антропоморфный персонаж с расставленными ногами и с палицей (?) в левой руке, в правом нижнем углу – антропоморфная фигура в позе с подогнутыми ногами («сидящий по-восточному»). Левая рука у этого персонажа на поясе, а в правой он держит извивающуюся змею (рис. 1, б).

На восточной грани стелы зафиксированы четыре антропоморфные фигуры, три из которых запечатлены перевернутыми (мертвыми): один персонаж с шарообразной «прической» и с подвешенной к поясу булавой (рис. 2, 1), изображен в сопровождении «спутницы» (?), с которой они держатся за руки. Чуть выше выбита еще одна антропоморфная фигура, представленная в позе «по-восточному». Не перевернутой осталась только одна, довольно крупная антропоморфная фигура.

К настоящему времени уже выявлена достаточно представительная серия персонажей, запечатленных в позе «по-восточному», и, как нам представляется, при внимательном осмотре фигур с округлыми ногами, такой элемент, как свисающая ступня, будет выявлен не только на новых памятниках, но и на известных. Анализу этого сюжета уже посвящена отдельная статья¹⁰. Исследователи наскального искусства, обратившие внимание на подобные сцены на камнях тагарских курганов, не исключают, что в данном случае поза «сидящего по-восточному» может быть связана с тризной¹¹.

Сцены со змеями в наскальном искусстве Центральной и Средней Азии были популярными и получили распространение по меньшей мере с эпохи бронзы¹², хотя сам культ змеи зародился в Сибири уже в палеолитическую эпоху¹³. Анализируя сюжеты со змеями, датируемые эпохой бронзы, исследователи отмечают сакральное значение этого образа как символа универсальной идеи плодородия, слитности культа женского божества с культом змеи. Так, на памятнике Бижигтиг-Хая в Туве со змеей в руках изображен женский персонаж (шаманка?)¹⁴, который М.А. Дэвлет сопоставила со статуэтками богинь со змеями из Кносского дворца¹⁵.

⁷ Кубарев и др. 2005, 73, прил. 1, 338 и др.

⁸ Дэвлет 1980, рис. 1, табл. 13–16.

⁹ Макаров 2018, рис. 5, 1–5.

¹⁰ Советова и др. 2024.

¹¹ Миклашевич 2018, 20, 21; Советова и др. 2024, 915.

¹² Кубарев и др. 2005, 72, 73; Советова, Трофимова 2012, рис. 1.

¹³ Михайлов 1997, 226.

¹⁴ Дэвлет 1989, 90.

¹⁵ Можно добавить, что со змеями изображали и восточную богиню Исиду, а позднее античное изобразительное искусство было наполнено сюжетами различных персонажей со змеями. В искусстве Передней Азии также многочисленны сцены со змеями, которые связывают с плодородием (Антонова 1984, 146–162, рис. 19, 12).

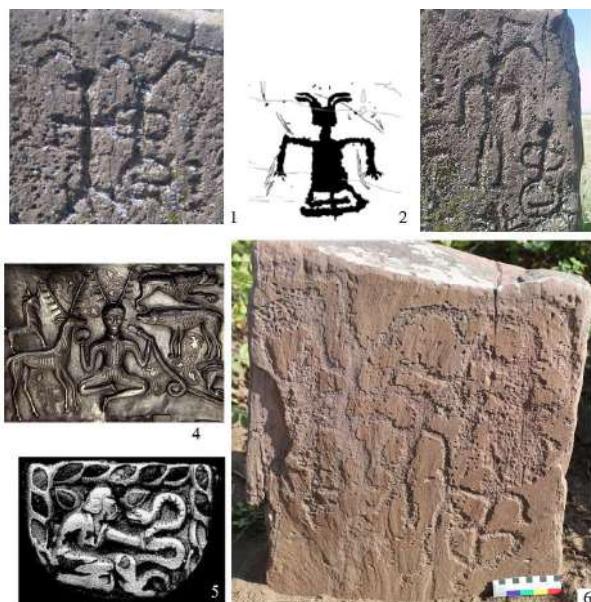

Рис. 1. Изображения тесинского времени на плитах оград тагарских курганов, аналогии. 1, 3 – тагарский курган Оглактинского могильника (по: Есин 2017); 2 – Абакано-Перевоз (по: Русакова 2016); 4 – котел из Гундеструпа; 5 – Сибирская коллекция Петра I (по: Яценко 2021); 6 – тагарский курган Тепсейского могильника

Рис. 2. Варианты оформления голов у антропоморфных персонажей тесинского времени. 1, 9 – плиты тагарских курганов Тепсейского могильника (рендер 3D-модели, выполненной лабораторией RSSDA); 2 – Тепсей III; 3, 6 – Усть-Туба; 4, 7 – Тепсей II; 5 – Лыниченская писаница (по: Миклашевич 2012); 8 – курган Турanskого могильника

Вторым устойчивым сюжетом эпохи бронзы в наскальном искусстве Центральной Азии называют сюжеты с нападением змей и драконов на животных и, прежде всего, на быков¹⁶. В Минусинской котловине образ змеи приобрел популярность еще в окуневском искусстве¹⁷. Но поскольку в нашем случае мы обращаемся главным образом к тесинским материалам, приведем примеры сцен со змеями более позднего времени. Змеи включены в многофигурную сцену с Усть-Тубы III, где змея (возможно не одна) запечатлена рядом с оленями, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле¹⁸, в Волчьем логу (Тепсей II) в сцене с крупными животными, также выполненными в скифо-сибирском стиле, под животом одной из этих фигур запечатлены птица и змея, скорее всего, тесинского времени, как и антропоморфные персонажи, явно подбитые позднее (рис. 3, 7). Среди тесинских изображений сцены со змеями зафиксированы на писаницах Абакано-Перевоз III, на Тепсее. В первом случае изображена пара перемещающихся змей около изображения хищника и, возможно, еще одна змея около сражающихся людей¹⁹. В Волчьем логу змеи находятся в сцене с изображением спирали, возможно, «великана» на длинных ногах и животного (быка или коня?) с длинным хвостом²⁰. Также можно упомянуть антропоморфную фигуру в раскидистом головном уборе с колчаном и каким-то предметом в руке, запечатленную на одной из стел Туранского могильника (рис. 2, 8). В области его гениталий расположена змея²¹ (отметим, что такой сюжет был популярен в изобразительном искусстве Передней Азии)²². В наскальном искусстве аналогичная сцена запечатлена на памятнике Верхние Чинары (Западный Памиро-Алай)²³. Среди петроглифов, выполненных в идеограмматическом стиле (по Д.Г. Савинову) на плитках из Есино, некоторые схематичные фигуры трактуют как изображения змей²⁴. Д.Г. Савиновставил в один ряд изображения змей, спиралей, змееподобных линий, отмечая, что в системе знаковых обозначений они соответствуют изображению «того мира»²⁵. В целом соглашаясь с таким мнением, все же отметим полиморфизм этого образа и неоднозначное отношение у многих народов мира как к змеям в целом, так и к характеристике их функций в мифологии и сюжетах изобразительного искусства²⁶. Образ змеи в мировоззренческих системах чаще всего связан, как отмечено выше, с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также с мужским оплодотворяющим началом – с другой²⁷.

¹⁶ Кубарев и др. 2005, 73.

¹⁷ Есин 2016, рис. 24; Миклашевич 2021, рис. 3.

¹⁸ Шер 1980, рис. 2.

¹⁹ Русакова 2021, рис. 18; 2022, 43–76, рис. 17, 18.

²⁰ Советова и др. 2021, кат. 249.

²¹ Советова 2005, табл. 26, 8.

²² Антонова 1984, рис. 19, 1.

²³ Шацкий 1973, 99, рис. 48.

²⁴ Савинов 1993, рис. 1, 9–10; 2, 8; 4, 2.

²⁵ Савинов 1993, 37.

²⁶ В качестве примера приведем вывод А.П. Окладникова, который, анализируя петроглифы Западной Монголии, отмечал, что «змея у древних обитателей Гоби вызывала не только страх, но и чувство преклонения» (Окладников 1980, 5).

²⁷ Иванов 1991, 468.

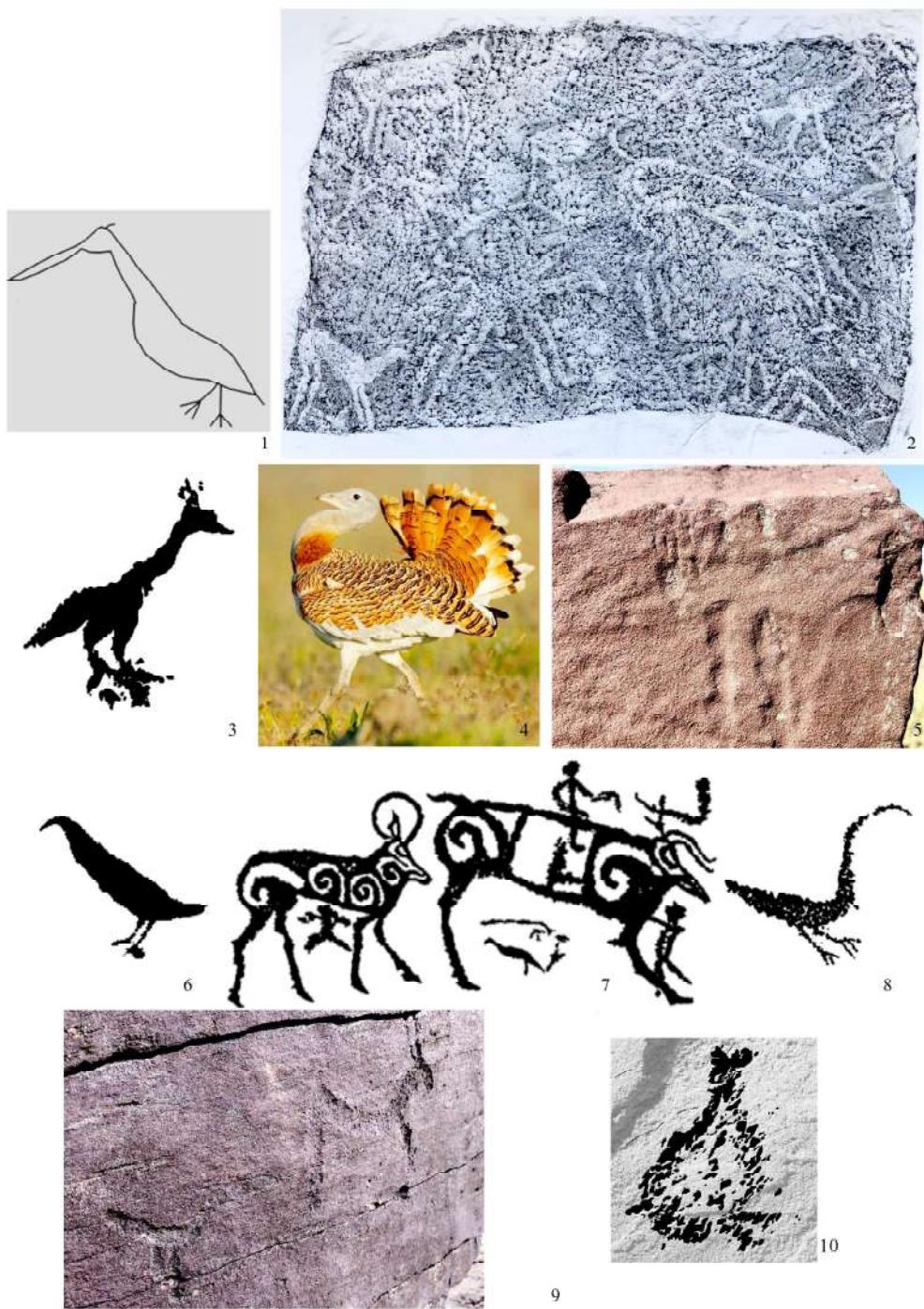

Рис. 3. Изображения птиц тесинского времени. 1 – Сосниха (по: Миклашевич и др. 2012); 2, 5 – плиты тагарских курганов Тепсейского могильника (микралентная копия); 3 – Куня (по: Миклашевич и др. 2012); 4 – фото дрофы; 6 – Сульфатская (по: Есин 2016); 7, 9, 10 – Тепсей II (7 – прорисовка Е.А. Миклашевич); 8 – Сулек (по: Миклашевич и др. 2012)

Обращает на себя внимание и образ человека, держащего в руках змею. Такой сюжет известен в материалах Сибирской коллекции Петра I, который, по мнению С.А. Яценко, представляет «поединок героя со змеем»²⁸ (хотя вряд ли «змееборец» изображался бы в сидячей позе) (рис. 1, 5). Наиболее близкая аналогия, пожалуй, – образ рогатого кельтского бога Цернунноса (Цернунна, Кернунна и т.д.), изображенного на рельефной панели знаменитого котла из Гундеструпа, который предположительно датируется I в. до н.э. Бог изображен сидящим со скрещенными ногами, в одной руке он держит змею (рис. 1, 4). Цернунна считали богом плодородия, войны, силы и загробного мира²⁹. Нередко змея выступала в роли помощницы шамана при его «отправлении» в потусторонний мир в состоянии экстаза. Сопровождающие их змеи служили, вероятно, посредниками, духами-помощниками при хождении шамана в Нижний мир³⁰. Изображения змей характерны и для шаманских костюмов, бубнов, колотушек и прочего, поскольку у многих народов Сибири и Дальнего Востока они связаны с Нижним миром³¹. Представляется, что и тепсейский персонаж в большей степени связан с подземным культом, что не противоречит идеи о тризне, как поминовении умерших. С этой идеей перекликается сцена с противоположной грани того же камня, где изображены перевернутые / умершие персонажи, один из которых явно был воином, судя по наличию подвешенной к поясу булавы (не исключено, что это «кадр истории» персонажа, изображенного с булавой на другой грани). Здесь тоже изображен персонаж, сидящий «по-восточному» (такие многокадровые случаи зафиксированы и на других плитах Тепселя).

Прически / головные уборы. Прически, головные уборы, в целом одежда очень важны не только для реконструкции внешнего облика людей той или иной эпохи, но и для более глубокого понимания определенного периода культуры. Костюм в целом характеризует мировоззрение общества, его традиции и обряды, ценностные ориентации. Если в тагарскую эпоху антропоморфный персонаж изображался схематично, исключительно редко с элементами «костюма», а его основным маркером был типичный «султан» на голове (изредка колпак), то в тесинское время многие персонажи показаны в одежде (в верхней – типа кафтана, шаровар), а еще чаще их головы увенчаны уборами либо украшены прическами.

Сейчас уже известно несколько вариантов причесок или оформления головных уборов персонажей из сцен, относящихся к рассматриваемому времени. Пожалуй, наиболее распространены и известны изображения головных уборов, украшенных лентами или перьями / хвостами, свисающими по обе стороны от головы (Тепсей, Куня, Абакано-Перевоз, Боярские писаницы, Туран и др.)³² Но зафиксированы и более сложные головные уборы, большое разнообразие которых представлено на одном из курганных камней Оглухтинского могильника³³ (рис. 1, 1, 3). Вряд ли они входили в разряд повседневных, скорее, были связаны с проведением каких-то особых ритуалов, возможно, поминок, поскольку нередко встречаются на курганных камнях. Не исключено, что такие «головные уборы»

²⁸ Яценко 2021, 194, рис. 9, 2.

²⁹ Токарев 1988, 617.

³⁰ Окладников 1974, табл. 21, 26а.

³¹ Косарев 1984, 192.

³² Советова, Шишкина 2024, рис. 4.

³³ Есин 2017, 25.

маркировали представителей разных групп населения или статус людей, участвовавших в таких ритуалах.

Еще одна новая группа антропоморфных персонажей тесинского времени характеризуется прической / головным убором в виде довольно объемного «шара», как и у перевернутого воина с рассмотренной тепсейской стелы. В настоящее время среди материалов Тепсее выделена пока небольшая, но заметная группа аналогичных фигур (Тепсей II, III) (рис. 2, 1–3). В подобном виде и в сочетании с персонажами, изображенными в позе «по-восточному», выбиты антропоморфные изображения на плите из тесинского кургана у с. Подсинее (Хакасия), в настоящее время экспонируемой в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова (к сожалению, материалы этих раскопок не опубликованы). Пока наиболее близкая аналогия – миниатюрная деревянная фигурка с таким же «шаром» на голове, обнаруженная в таштыкской грунтовой могиле, датируемой авторами раскопок II–IV вв.³⁴ Еще один вариант – прическа на голове всадника, зафиксированного на Тепсее II, представляющая своеобразную «шишечку на ножке», как бы относимую ветром при движении (рис. 2, 7). Пока самые близкие аналогии нам известны по изображениям всадников-копейщиков из накладки саркофага 2002 г. из Горгиппии³⁵.

На скалах запечатлены и иные типы головных уборов, некоторые из которых использовались, очевидно, судя по наскальным сценам, на охоте: они выглядят как «котелки» и шляпы, похожие на современные, с небольшими полями (сцены с Тепсеей, Усть-Тубы, Потрошиловской, Льнищенской и др. писаниц)³⁶, о которых первооткрыватель Льнищенской писаницы И.Т. Савенков писал: «...охотники верхом, в округлых шапках с шишаками или коническими кистями; у начальника шапка или шлем с пером»³⁷ (рис. 2, 4, 5). Таким образом, разнообразие головных уборов отчасти может объясняться необходимостью акцентирования того или иного персонажа, в частности, командира на охоте, у которого на головном уборе могло быть определенного цвета перо³⁸. Изредка фиксируются и крупные головные уборы, напоминающие бикорны (Усть-Туба V) (рис. 2, 6). Нередко наряду с головным убором изображалась и косица.

Рогатые персонажи. Среди антропоморфных изображений тесинского времени подмечена и такая особенность, как небольшие рожки на головах некоторых персонажей³⁹. Нам они известны главным образом по сценам из Тепсейского археологического микрорайона, причем отмечены как на скалах, так и на курганных плитах. Нередко «рогатые» зафиксированы в батальных сценах (курганы под горой Тепсей, Усть-Туба) с чеканами в руках (как пешие фигуры, так и всадники). На скалах Усть-Тубы известна батальная сцена с двумя противоборствующими персонажами, один из которых вооружен луком, второй чеканом и

³⁴ «Археологи ТГУ...» [Электронный ресурс].

³⁵ Яценко 2020, рис. 11.

³⁶ Миклашевич 2012, рис. 3; Советова и др. 2021, рис. 92.

³⁷ Савенков 1886, 60.

³⁸ Советова 2005, 83–84. Достаточно вспомнить описание Плутархом Александра Македонского, у которого на головном уборе помимо сultана были прикреплены два больших пера «необычайной белизны», выделявших Александра на поле брани (Plut. Alex. 16).

³⁹ Советова, Шишкина 2024, рис. 1.

с ним щит овальной формы⁴⁰. Другой вариант батальной сцены открыт на стеле кургана Тепсей V (у одного из противников также на голове рожки) (рис. 2, 9). Имеются сцены с рогатыми, расположеннымными цепочкой (в танце?). Один рогатый персонаж-«великан» нанесен на горизонтально расположенную плиту на Тепсейском могильнике. Важно понимать, что это совсем другие персонажи, чем не менее популярные в свое время рогатые антропоморфы из ранних композиций Минусинской котловины. Скорее, параллель следует проводить с рогатыми мифическими антропоморфными персонажами, изображенными на дверных ручках Абаканского дворца⁴¹, трактуемыми Л.Р. Кызласовым как «лицо быкочеловека» с чертами европеоидного фенотипа⁴². По мнению Ю.Н. Есина, данный мифический персонаж мог быть покровителем или предком хунну, а сам дворец по последним предположениям – резиденцией правителя хунну Чжичжи⁴³, что важно учитывать при трактовке рогатых персонажей тесинского времени.

Птицы. В последнее время все чаще на разных памятниках наскального искусства Минусинской котловины открываются новые сцены с птицами. Одни пополняют серию анфасных хищных птиц, описанных нашими предшественниками⁴⁴. К новым же образам тесинской эпохи можно отнести профильные изображения птиц, выявленных в сценах на Тепсее, Соснихе⁴⁵, Абакано-Перевозе⁴⁶, горе Сульфатской⁴⁷ и др. Все они будто бы «вписаны» в уже выполненные ранее многофигурные сцены. На Кавказской писанице известна уникальная сцена соколиной охоты⁴⁸, которая также соотносится с тесинским временем и датирована исследователями II–I вв. до н.э.⁴⁹ Исследователи отмечали, что профильные изображения птиц «являются новыми, привнесенными образами в хуннское время»⁵⁰, с чем нельзя не согласиться. Особенно популярными стали изображения дроф, которые, вероятно, теперь можно считать еще одним маркером в репертуаре наскального искусства тесинского времени (рис. 3). В природе это очень крупная птица, масса самцов достигает 10–20 кг. Нередко художники делали акцент на высоких крепких ногах этой птицы, поскольку они довольно быстро бегают при своем немалом весе. Ноги относительно длинные, с тремя пальцами. У дрофы довольно большая округлая голова, толстая и длинная шея (с ХХ в. эти птицы практически не встречаются в Хакасии и на юге Красноярского края). Выявленные нами на Тепсее изображения дроф стилистически отличаются друг от друга: в большой композиции из Волчьего лога дрофа изображена под животом быка рядом со змеей (рис. 3, 7). Такое соседство указывает, вероятно, на специфику этих птиц, которым не присущи высокие полеты, как, например, для орлов и соколов. Еще одно

⁴⁰ Советова и др. 2021, рис. 81.

⁴¹ Есин 2022, рис. 3.

⁴² Кызласов 2001, 99–103.

⁴³ Есин 2022, 8.

⁴⁴ Миклашевич и др. 2012, табл. III; Миклашевич, Солодейников 2013; Есин 2016, рис. 32.

⁴⁵ Миклашевич и др. 2012, табл. III.

⁴⁶ Русакова 2021, рис. 29.

⁴⁷ Есин 2016, рис. 32.

⁴⁸ Миклашевич, Солодейников 2013, рис. 8.

⁴⁹ Леонтьев, Боковенко 1985. Считается, что соколиная охота зародилась в Средней Азии и на Иранском нагорье, распространяясь через культурные и торговые связи в других регионах. Л.Н. Гумилев считал, что у хунну соколиная охота была известна уже в III в. до н. э. (Гумилев 1960, 95).

⁵⁰ Миклашевичи др. 2012, 99.

изображение нанесено в правом верхнем углу углового камня тагарского кургана Тепсейского могильника и также вполне реалистично передает особенности этой птицы (рис. 3, 2). На другой плите, также в правом верхнем углу, нанесена выбивкой с последующей прошлифовкой еще одна птица. К сожалению, ее голова не сохранилась, и фигура вообще несколько отличается от остальных изображений известных нам дроф, но узнаваема по длинным ногам и характерному оперению хвоста, которое передано в данном случае резными линиями (рис. 3, 5). На скалах Тепсейского микрорайона также известны изображения дроф (оба зафиксированы в Волчье логу: одно в сочетании с изображением животного (рис. 3, 9), другое, одиночное изображение было нанесено на горизонтальную поверхность скального массива (рис. 3, 10)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, к настоящему времени стало понятно, что еще далеко не полностью познан мир петроглифов тесинской эпохи, о чем свидетельствуют открытия неизвестных прежде образов и новых изобразительных элементов, позволяющих расширить наши представления о традициях и новациях в наскальном искусстве рассматриваемой эпохи, проанализировать возможные заимствования, а также буквально «увидеть» многие стороны жизни людей той эпохи, запечатленные воюющими (Суханиха, Куня, Абакано-Перевоз, Тепсей, Сундуки и др.), охотящимися (Льнищенская, Тепсей, Оглахты и др.), преследующими (Куня, Суханиха, Шалаболино, Оглахты, Тепсей и др.), исполняющими различные ритуалы (Хызыл-Хая, Боярская и др.), и даже «подсмотреть» элементы жизни элиты, выезжающей с эскортом в нарядных повозках (Улазы). Есть уверенность в том, что благодаря петроглифам, еще будут открыты новые тайны этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова, Е.В. 1984: *Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия*. М.
- «Археологи ТГУ с помощью геофизики обнаружили уникальное захоронение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rscf.ru/news/humanitarian-sciences/arkheologи-tgu-s-pomoshchyu-geofiziki-obnaruzhili-unikalnoe-zakhoronenie/>
- Гумилев, Л.Н. 1960: *Хунну. Средняя Азия в древние времена*. М.
- Дэвлет, М.А. 1980: *Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. М.*
- Дэвлет, М.А. 1989: Петроглифы бронзового века Тувы. В сб.: *Культура тувинцев: традиции и современность*. Кызыл, 10–19.
- Есин, Ю.Н. 2016: *Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии*. НОСА 1(13), 85–123.
- Есин, Ю.Н. (сост.) 2017: *Наскальные изображения Оглахты*. Альбом. Абакан.
- Есин, Ю.Н. 2022: Дворец Сына Неба во владении Цзянькунь. НОСА 1(33), 4–52.
- Иванов, В.В. 1991: Змей. *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 1. М., 468–471.
- Косарев, М.Ф. 1984: *Западная Сибирь в древности*. М.
- Кубарев, В.Д., Цэвээндорж, Д., Якобсон, Э. 2005: *Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгур (Монгольский Алтай)*. Новосибирск.
- Кызласов, Л.Р.: 2001. *Гуннский дворец на Енисее: проблема ранней государственности Южной Сибири*. М.
- Леонтьев, Н.В., Боковенко Н.А. 1985: Кавказская писаница на Тубе. КСИА 184, 82–88.

- Макаров, Н.П 2018: Николай Владимирович Нащокин – археолог Красноярского краевого краеведческого музея. *Древности Приенисейской Сибири* IX, 17–31.
- Миклашевич, Е.А. 2004: «Племя единорога» на Енисее (сяньбайские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины). В сб.: Д.Г. Савинов, В.Н. Седых, Н.А. Лазаревская (ред.), *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции*. СПб., 320–325.
- Миклашевич, Е.А. 2012: Льнищенская писаница. Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. *Тр. САИПИ X*, 28–56.
- Миклашевич, Е.А. 2018: О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее. *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница* 8, 92–99.
- Миклашевич, Е.А., 2021: *Наскальные изображения окуневской культуры на горе Моисеиха* (Средний Енисей). *ПИФК 2*, 165–187.
- Миклашевич, Е.А., Панкова, С.В., Мухарева, А.Н. 2012: Петроглифы горы Сосниха. Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Льнищенская, Улазы III, Сосниха. *Тр. САИПИ X*, 72–111.
- Миклашевич, Е.А., Солодейников, А.К. 2013: Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине). *НОСА 1(5)*, 176–191.
- Михайлов, Ю.Н. 1997: Особенности семантики образа змеи в культурных традициях древнего населения Западной Сибири. *ПАЭАССТ 3*, 226–229.
- Новгородова, Э. А. 1984: *Мир петроглифов Монголии*. М.
- Окладников, А.П. 1974: *Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири*. Новосибирск.
- Окладников, А.П. 1980: *Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (гора Тэбii)*. Л.
- Русакова, И.Д. 2016: К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века. В сб.: В.В. Бобров (отв. ред.), *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции*. Кемерово, 173–181.
- Русакова, И.Д. 2021: Местонахождение петроглифов Абакано-Перевоз I в Хакасии. *НОСА 1(29)*, 43–71.
- Русакова, И.Д. 2022: Петроглифы восточной части Боярского хребта в Хакасии (местонахождения Абакано-Перевоз II, II А, III, IV). *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница* 16, 43–76.
- Савенков, И.Т. 1886: К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества* 3–4, XVII, 26–106.
- Савинов, Д.Г. 1993: Тесинские «лабиринты» – к истории появления персонифицированного шаманства в Южной Сибири. *Кунсткамера. Этнографические тетради* 1, 35–48.
- Савинов, Д.Г. 1995: Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III). В сб.: В.В. Бобров (отв. ред.), *Древнее искусство Азии. Петроглифы*, Кемерово, 6–10.
- Советова, О.С. 2005: *Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы)*. Новосибирск.
- Советова, О.С., Ермоленко, Л.Н., Зинченко, С.А. 2024: Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии). *СибСкрипт* 26(6), 904–918.
- Советова, О.С. Трофимова, Н.В. 2012: Сцены со змеями в наскальном искусстве Евразии. В сб.: И.В. Толпенко (отв. ред.), *VIII исторические чтения памяти М.П. Грязнова: сборник научных трудов*. Омск, 180–186.
- Советова, О.С., Шишкина, О.О., Аболонкова И.В. 2021: *Наскальное искусство Тенгейского археологического микрорайона*. Кемерово.

- Советова, О.С., Шишкина, О.О. 2024: О некоторых «знаках отличия» у персонажей наскального искусства Минусинской котловины тесинского времени. *Археологические вести* 43, 81–93.
- Токарев, С.А. (ред.) 1988: *Мифы народов мира*. Т. 2. М.
- Шацкий, Г.Р. 1973: *Рисунки на камне*. Ташкент.
- Шер, Я.А. 1980: *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М.
- Яценко, С.А. 2020: Несколько композиций со скифскими персонажами в греко-скифской и скифской торевтике IV – начала III вв. до н.э. *МАИАСП* 12, 369–402.
- Яценко, С.А. 2021: Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ древней степи. *Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии* 13(4), 176–212.

REFERENCES

- Antonova, E.V. 1984: *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Peredney i Sredney Azii. Opyt rekonstruksijs mirovospriyatiya* [Essays on the Culture of Ancient Farmers of Western and Central Asia. An Attempt at Reconstructing Worldviews]. Moscow.
- Devlet, M.A. 1980: *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e.* [Siberian Openwork Belt Plates of the 2nd c. BC]. Moscow.
- Devlet, M.A. 1989: Petroglify bronzovogo veka Tuvy [Petroglyphs of the Bronze Age of Tuva]. In: *Kul'tura tuvintsev: traditsii i sovremennost'* [Tuvan Culture: Traditions and Modernity]. Kyzyl, 10–19.
- Esin, Yu.N. 2016: Petroglify okunevskoy kul'tury na severe Khakassii [Petroglyphs of the Okunev Culture in the North of Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1(13), 85–124.
- Esin, Yu.N. 2017: *Naskal'nye izobrazheniya Oglahy. Al'bom* [Rock Paintings of Oglahy. Album]. Abakan.
- Esin, Yu.N. 2022: Dvorets Syna Neba vo vladenii Czyan'kun' [The Son of Heaven's Palace in the Jiankun Domain]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1(33), 4–52.
- Gumilev, L.N. 1960: *Hunnu. Srednyaya Aziya v drevnie vremena* [Hunnu. Central Asia in Ancient Times]. Moscow.
- Ivanov, V.V. 1991: Zmey [Snake]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. 1. Moscow, 468–471.
- Kosarev, M.F. 1984: *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in Ancient Times]. Moscow.
- Kubarev, V.D., Ceveendorzh, D., Yakobson, E. 2005: *Petroglify Cagan-Salaa i Baga-Ojgura* (Mongol'skiy Altay) [Petroglyphs of Tsagan-Salaa and Baga-Oigur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk.
- Kyzlasov, L.R.: 2001. *Gunnskiy dvorets na Enisee: problema ranney gosudarstvennosti Yuzhnoy Sibiri* [The Hunnic Palace on the Yenisei: The Problem of Early Statehood in Southern Siberia]. Moscow.
- Leontyev, N.V., Bokovenko N.A. 1985: Kavkazskaya pisanitsa na Tuba [Caucasian Petroglyphs on Tuba]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 184, 82–88.
- Makarov, N.P 2018: Nikolay Vladimirovich Nashchekin – arkheolog Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya [Nikolay Vladimirovich Nashchekin – the Archaeologist of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History]. *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Antiquities of Yenisei Siberia] IX, 17–31.
- Mihaylov, Yu.N. 1997: Osobennosti semantiki obrazza zmei v kul'turnykh traditsiyakh drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri [Semantics Features of the Image of a Snake in the Cultural Traditions of the Ancient Population of Western Siberia]. *Problemy arkheologii, etnografii,*

- antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]* 3, 226–229.
- Miklashevich, E.A. 2012: L'nishchenskaya pisanitsa [The Lnishchenskaya Rock Art Site]. In: D.G. Savinov (ed.), *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosniha* [Rock art sites of the Minusinsk basin: Georgievskaya, Lnishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha (Occasional SAPAR publications. Vol. X)]. Kemerovo, 28–56.
- Miklashevich, E.A., Solodejnikov, A.K. 2013: Novye vozmozhnosti dokumentirovaniya naskal'nyh izobrazhenij, vypolnennyh kraskoj (na primere Kavkazskoj pisanicy v Minusinskoy kotlovine) [New possibilities for documenting painted rock art images (by the example of Kavkazskaya rock art site in the Minusinsk basin)]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [/Sayan-Altai Scientific Review] 1 (5), 176–191.
- Miklashevich, E.A. 2004: «Plemya edinoroga» na Enisee (syan'bejskie motivy v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny) [“The Unicorn Tribe” on the Yenisei (Xianbei Motifs in the Rock Art of the Minusinsk Basin)]. In: Savinov, D. G., Sedyh, V.N., Lazarevskaya, N.A. (eds.), *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epoha, kompozicii. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferencii* [Fine Art Monuments: Style, Epoch, Compositions. Proceedings of the Thematic Scientific Conference]. Saint Petersburg, 320–325.
- Miklashevich, E.A. 2018: O pamyatnikah naskal'nogo iskusstva v urochishche Kamenka na Srednem Enisee [Rock art sites of the Kamenka ravine on the middle Yenisei]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanica»* [Scientific notes of the museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa”] 8, 92–99.
- Miklashevich, E.A., 2021: Naskal'nye izobrazheniya okunevskoj kul'tury na gore Moiseiha (Srednj Enisej) [images of the okunev culture on the rocks Of Moiseikha mountain (middle Yenisei river)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 2 (72), 165–187.
- Miklashevich, E.A., Pankova, S.V., Muhareva, A.N. 2012: Petroglify gory Sosniha [Petroglyphs on the Sosnikha mountain]. In: D.G. Savinov (ed.), *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosniha* [Rock Art Sites of the Minusinsk Basin: Georgievskaya, Lnishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha] (Trudy SAIP [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art] 10). Kemerovo, 72–111.
- Novgorodova, E. A. 1984: *Mir petroglifov Mongolii* [The World of Petroglyphs in Mongolia]. Moscow.
- Okladnikov, A.P. 1974: *Petroglify Bajkala – pamyatniki drevney kul'tury narodov Sibiri* [Petroglyphs of Baikal: Monuments of the Ancient Culture of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk.
- Okladnikov, A.P. 1980: *Petroglify Central'noy Azii. Hobd-Somon (gora Tebsh)* [Petroglyphs of Central Asia. Khobd-Somon (Mount Tebsh)]. Leningrad.
- Rusakova, I.D. 2016: K voprosu o datirovke petroglifov rannego zheleznogo veka (na primere petroglifov Boyarskogo khreba v Khakasii) [Towards the dating of the Iron Age Petroglyphs (on the Example of the Boyary Ridge Petroglyphs)]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya)* [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation)]. Kemerovo, 173–181.
- Rusakova, I.D. 2021: Mestonakhzhdenie petroglifov Abakano-Perevoz I v Khakassii [The Abakano-Perevoz I Petroglyphic Site in Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [/Sayan-Altai Scientific Review] 1(29), 43–71.
- Rusakova, I.D. 2022: Petroglify vostochnoy chasti Boyarskogo khreba v Khakassii (mestonakhzhdeniya Abakano-Perevoz II, II A, III, IV) [Petroglyphs in the Eastern Part of the Boyary Ridge in Khakassia (Locations of Abakano-Perevoz II, II A, III, IV)]. *Uchyonye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»* [Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”] 16, 43–76.

- Savenkov, I.T. 1886: *K razvedochnym materialam po arkheologii srednego techeniya Eniseya* [To the Exploration Materials on the Archeology of the Middle Reaches of the Yenisei]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshestva* [Transactions of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society] 3–4, XVII, 26–106.
- Savinov, D.G. 1993: Tesinskie «labyrinths» – k istorii poyavleniya personifitsirovannogo shamanstva v Yuzhnoy Sibiri [Tes' "Labyrinths" – to the History of the Emergence of Personified Shamanism in Southern Siberia]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera. Ethnographic Notebooks] 1, 35–48.
- Savinov, D.G. 1995: Tesinskie labirinty (po materialam mogil'nika Esino III) [Tes' Labyrinths (Based on Materials from the Esino III Burial Ground)]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* [Ancient Art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo, 6–10.
- Shackij, G.R. 1973: *Risunki na kamne* [Pictures on Stone]. Tashkent.
- Sher, J. A. 1980: *Petroglify Sredney i Central'noy Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow.
- Sovetova, O.S. 2005: *Petroglify tagarskoy epochi na Enisee (syuzhety i obrazy)* [Petroglyphs of the Tagar Epoch on the Yenisei (Plots and Images)]. Novosibirsk.
- Sovetova, O.S., Trofimova, N.V. 2012: Sceny so zmeyami v naskal'nom iskusstve Evrazii [Scenes with Snakes in the Rock Art of Eurasia]. In: V.V. Tolpenko (ed.), *VIII istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova: sbornik nauchnykh trudov* [VIII Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov: Collection of Scientific Papers]. Omsk, 180–186.
- Sovetova, O.S., Ermolenko, L.N., Zinchenko, S.A. 2024: Sidiyashchie «po-vostochnomu» figury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny (atributsiya, analogii) [Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies]. *SibSkript* 26(6), 904–918.
- Sovetova, O.S., Shishkina, O.O. 2024: O nekotorykh «znakakh otlichiya» u personazhey naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny tesinskogo vremeni [Towards Some "Insignia" of Rock Art Characters from Minusinsk Basin of the Tes' Time]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News] 43, 81–93.
- Sovetova, O.S., Shishkina, O.O., Abolonkova, I.V. 2021: *Naskal'noe iskusstvo Tepseyskogo arkheologicheskogo mikrorayona* [Rock Art of the Tepsey Archaeological Microdistrict]. Kemerovo.
- Tokarev, S.A. (ed.) 1988: *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] 2. Moscow.
- «TSU Archaeologists Discovered a Unique Burial Site Using Geophysics»: <https://www.rscf.ru/news/humanitarian-sciences/arkheologi-tgu-s-pomoshchyu-geofiziki-obnaruzhili-unikalnoe-zakhoronenie/>
- Yatsenko, S.A. 2020: Neskol'ko kompozity so skifskimi personazhami v greko-skifskoy i skifskoy torevtike IV – nachala III vv. do n.e. [Some Compositions with Scythian Personages on Greek-Scythian and Scythian Toreutic Wares of the 4th – Early 3rd cc.]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region] 12, 369–402.
- Yatsenko, S.A. 2021: Veroyatnye geroi eposa skifov na fone drevnikh iranskikh i iranizirovannykh obshchestv drevney stepi [Probable Epic Heroes of Scythians against the Background of Other Ancient Iranian and Iranized Peoples of Steppe]. *Novyy Germes. Vestnik antichnoy istorii, akrheologii i klassicheskoy filologii* [Hermes Novus] 13(4), 176–212.

NEW THEMES IN THE TES' ROCK ART OF THE MINUSINSK BASIN

Olga S. Sovetova¹, Olga O. Shishkina²*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*¹ *E-mail:* olgasovetova@yandex.ru ² *E-mail:* olgashishkina145@gmail.com*Acknowledgements:* Russian Science Foundation, project no. 23-78-01099

On the base of their own field materials and previously published data, the authors analyze new images and themes that they have identified in the rock art of the Minusinsk Basin, which are related to the Tes' era. Among them are scenes with images of snakes, anthropomorphic figures sitting in an "oriental" pose, as well as with hairstyles, headdresses, and small horns on their heads. Scenes with images of profile birds (bustard (*Otis tarda*) /dudak) were also identified on such rock art sites as Tepsey, Sulfatskaya, Abakano-Perevoz, Sosniha, Sulek, etc. This character was not found in other eras on rock art sites of the Minusinsk Basin, and it is possible that it can be considered a marker of this era. It has been suggested that the anthropomorphic character holding a snake in his hands, depicted on one of the burial mounds of the Tepsey burial ground, may be associated with an underground cult. Among the design elements of the heads of automorphic figures of the Tesinsky layer, a new series of images with hairstyles in the form of a "ball" was revealed, as well as headdresses of the 'bowler' type or hats with small brims, often with a vertically placed feather, and / or a braid. The diversity of headdresses can be partly explained by the need to emphasize one or another character, in particular, a leader on a hunt or an actor, a participant in some ritual actions, possibly a funeral feast. It is suggested that characters with "horns" on their heads can be associated with the mythical horned character of the Xiongnu (by analogy with the one known from the images on the handles of the Abakan Palace), who, according to Yu.N. Esin, could be the patron or ancestor of the Xiongnu.

Keywords: petroglyphs, rock art, Tes' era, semantics